

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

МИЛАНА СТОУН

СЕКС- няньки ПО СОСЕДСТВУ

Милана Стоун
Любовь Попова
Секс-няньки по соседству
Серия «Секс по соседству», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68857800

Аннотация

– Как вы оба меня достали! Я не собираюсь больше это терпеть! – кричу я смотря на то, как они стирают с лиц кровь после драки. – Вы же друзья!

– Так не разрушай дружбу! Выбери одного из нас!

– Я сделаю лучше! Я уйду сама, – решаю, делаю шаг в сторону, но меня зажимает с двух сторон. Два огромных мускулистых тела.

– Да кто же тебя отпустит.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Любовь Попова, Милана Стоун Секс-няньки по соседству

Пролог

– Урод! – хватаюсь твёрдой хваткой за решётку, до жжения в ладонях, срывая в кровь мозоли. Хочу плюнуть в лицо этому ублюдку, но по горькому опыту знаю, что за это меня не будут кормить несколько дней.

– Глаза Ангела... – говорит он на ломаном русском, хватая меня грязной, огромной ладонью, сдавливая щеки, поворачивает голову в разные стороны. – Сучки не могут быть настолько прекрасны. Не думаю, что смогу выдержать. Хочу поиметь девуку!

– Н-нет... отпустите... прошу! – дергаюсь, как от удара током, когда этот уродливый мужик приближает своё лицо к моему. Тошнота у самого горла, когда облизывает щеку шершавым языком.

– Если только надеть ей мешок на голову и вусмерть нажраться, – говорит второй охранник, что стоит рядом и наблюдает все это время. – Не забывай – она дочь нашего врага.

– Да плевать! Дырка она и есть дырка. Никто и не заме-

тит, — хмыкает он, вытаскивает свой мерзкий отросток и трясет перед моим лицом. Запах отвратительный, словно немытый туалет в заброшенном торговом центре.

В этот момент за железной дверью что-то гремит, привлекая их внимание. Они переглянувшись хватают оружие и спешат проверить, что произошло.

А я смотрю им вслед и шумно выдыхаю. Пронесло. Пока что...

Это место пропахло грязью, потом, мочой. Женские крики оглушают. И как бы я не хотела абстрагироваться, не получается.

Скоро, совсем скоро и меня ждёт печальная участь.

И даже деньги, которые отец перевел на счёт похитителей, не помогут. Меня бы уже давно положили на алтарь насилия, чтобы эти звери смогли забрать всё чистое и светлое, что есть в женском существе.

Я еще девственница... Для них это лакомый кусочек. Они сделают это чисто ради забавы.

Я буду распята и осквернена зверьем, что жрут без приборов, ссут без шторок, трахаются, не подмываясь.

Закончу, как эта женщина, что приносила мне похлебку на последнем месяце беременности, и судя по обреченному взгляду, рожать она будет прямо здесь. Выживет, если природа помилует.

Я в аду. Выхода нет. Только мрак, грязь, страх. Моему одиночеству здесь нет конца. Отчаяние давно въелось

в плоть, разлагая душу. Нужно подумать о хорошем, но сил нет. Желания тоже.

Один из животных вернулся. Осматривает меня сальным взглядом, бьет по клетке пистолетом, заставляя вздрогнуть как дичь на привязи. Ржет, скотина, что-то на своем языке буровит и снова... расстегивает брюки. Только не это. Только не это!

По прутьям теперь бьют твердой, мерзкой на вид плотью, и я не могу сдержать рвотный позыв. Стоило только представить, как скоро эту дрянь будут толкать в моё исхудалое тело, тут же срыгиваю на пол отвратительную похлебку.

Он что-то орет, но шум в ушах и близость обморока заглушают его речь. Потом гроыхает тяжёлой связкой ключей и подходит со стороны дверцы.

Мой конец совсем близок.

Лязг ключа в замке заставляет дрожать и сжаться в комок. Ощутить себя побежденной.

Я прижимаюсь обнаженной спиной к прутьям, пытаюсь не думать о том, что со мной сейчас произойдет. Это сломает меня окончательно и бесповоротно? Или будет хоть один шанс остаться человеком. Надо подумать. Подумать о хорошем. Подумать о том, что хорошего есть в моей жизни. Учеба. Подружка. Мечты. Названные братья. Особенно мысли о них не дают мне окончательно погрузиться в темень страха.

Он уже близко, рукой хватает за волосы, причиняя боль, заставляя всколыхнуться гневу. Откушу. Сдохну, но не дам-

ся.

Как вдруг... со стороны выхода гремит оглушающий рев, а после... взрыв.

Животное всполошилось, забыв закрыть клетку, побежало в сторону шума.

Я, немного отдышавшись, решаю использовать этот уникальный, возможно, единственный шанс.

Выбираюсь из тесной клетки, чувствуя, как от прохладного ночного воздуха знобит все тело, и осторожно выглядываю в коридор.

Увиденное приводит меня в ужас куда хуже того, что я видела раньше.

Там идет настоящая бойня. Литры крови по полу, куски тел, выстрелы и вопли.

Эту картину мне никогда не забыть. Во рту и без того было сухо, но теперь настоящая пустыня. Мысли от страха плутают, дышу прерывисто, прикрываю глаза, собираю всю волю в кулак, разворачиваюсь и смотрю в другую сторону.

Но там то же самое. Некуда бежать.

Идет схватка уже без оружия и те ублюдки, что удерживали меня все это время, становятся жертвами двух весьма активных спецназовцев.

Они оба дерутся, как хищники, ножами вспарывая свою добычу, слишком отточено и умело, а потом синхронно вдруг кидают окровавленные тела и шагают по направлению... Ко мне.

Я теряюсь от ужаса. Кричу во все горло и отпрыгиваю в сторону, как вдруг... парни стягивают маски, открывая половину лица.

Боже, огромное спасибо!

На меня тяжёлой волной обрушивается облегчение, и я падаю на колени с радостным возгласом.

И пусть лица сосредоточены и злы, но я знаю их. Они мое единственное спасение. Пришли за мной. Мои названные братья.

Два солдата, что служили под началом моего отца. Именно он когда-то ввел их в дом и сделал почти членами нашей семьи. Они лучшие в своём деле. Лучшие офицеры антитеррористической организации.

Это, надо сказать, помимо весьма опасной привлекательности, которую они использовали для выполнения многих заданий.

Отец ими гордится и ничего удивительного, что именно Захар и Ренат пришли меня спасти.

Ни слова не говоря, меня подхватывает на руки Ренат, так, что я тут же обхватываю его бедра ногами и вцепляюсь в крепкую шею мужчины. Сразу становится уютно и хорошо, как дома, а не посреди пустыни. Захар же выстреливает в целившегося в нас врага.

Внезапно крышу просто снимают и на нас, крутя винтом, спускается вертолет.

Дыхание от потока воздуха перехватывает, но я слышу:

– Спрячь мордашку, Киска.

Сзади ко мне подходит Захар.

Он обнимает меня со спины. Небольшая заминка, трос, пояс для безопасности и вот мы втроём поднимаемся в воздух. Я и мои вечные няньки, вымахавшие в двух упрямых солдафонов.

И не смотря на страх, отчаяние, боль, тошноту, я счастлива, потому что два моих любимых, названных брата защищают меня, а теперь накрывают коконом силы и мощи.

В этот момент не думала о лёгком призрачном возбуждении, что теплилось на дне моего тела. Сейчас не время. Да и вообще не время. Эти два великолепных мужских образца – мои Ангелы Хранители, и воспринимают меня как сестру.

И это правильно. Пусть остается все как есть. Не нужно им знать, как сильно тянет низ живота от воспоминаний о самой грязной, порочной фантазии... Оказаться в четырех мускулистых руках.

Глава 1

Ненавижу черный цвет. Всем своим существом. Но именно его в моей жизни последнее время так много.

Гроб. Ленты. Платья.

И я должна плакать... должна. Но слез нет. Не было даже, когда крышку гроба опускали в землю, а парни в военной форме стреляли в воздух, оповещая, что умер глава ФСБ.

Мой отец.

Годы все же взяли свое, а месяц моего плена окончательно добили его. Сердце встало, когда меня грязную, полуобнаженную привезли на базу Ренат с Захаром. Он обнял меня и... все.

Момент, тусклый взгляд, пару фраз и он обмяк в моих руках.

Больно до глубины души, обидно, но слез... их нет.

Может быть, потому что не было между нами никогда близости. А может быть, потому что он спросил, не осквернили ли меня эти животные? Это привело меня в шок.

Я была счастлива наконец увидеть его, а он даже перед смертью думал не о моей жизни, а о том, что подумают о нем люди.

Что его дочь, не дай боже, кто-то испортил.

Сердце стучит сильнее, оно пытается пробить ребра, когда вспоминаю, как на похоронах меня прижимали к себе Захар

с Ренатом.

Не братья, но кажется, что роднее нет. Мы – единство.

Бывает ли вообще такое? Или мне это все кажется? Может, я слишком глубоко погрузилась во все эти нелепые фантазии...

И что странно, плачу я только тогда, когда отпускаю их в очередную командировку. В других ситуациях я кремень. Вот настолько я к ним привязана. Глупо, да.

Сейчас у них отпуск, что очень удачно совпало с датой оглашения завещания, которое оставил отец. Неужели знал, чувствовал, что... нет, нет, не мог...

Оглушающий звук хлопающей двери пугает. Вырывает меня из состояния транса. Отрываю взгляд от окна в библиотеке нашего дома и вскрикиваю.

В груди разгорается огонь от вспыхнувших чувств. Пришли. Не могли не прийти. Как же я рада!

Не думая о последствиях, подсакиваю с кресла, бегу к ним на встречу. С отчаянным визгом кидаюсь на шею Захара. Мужчина такой горячий и большой. Плотину столь долго сдерживаемых эмоций прорывает.

Рыдаю белугой в огромную, твердую грудь. Чувствую на голове тяжелую руку Рената и цепляюсь за его мощную шею.

Топлю их своими слезами, радуясь их поддержки и терпению. Отстраняюсь, оглядываю каждого с головы до ног. В костюмах. Даже не привычно видеть их такими.

Но как же хорошо, что они рядом. Я скучала. Дико. Невыносимо. Лучше защиты и быть не может. И мрачные мысли о поведении отца отступают. Я дома, в безопасности, с самыми близкими людьми.

Ренат гладит шею, массирует под волнами растрепанных волос затылок, наверняка зная точки, отвечающие за расслабление.

И пальцы его... такие крупные, опытные знают свое дело. Возможно причина в предках, так лихо управляющих дикими мустангами в степных прериях, а возможно в военной подготовке.

Захар так приятно держит за руку, переплетает пальцы, сносит в мозгу все грани разумного своим терпким, мускусным запахом. И вдруг... прижимается сзади. Я в растерянности, но не сдвигаюсь с места, не могу... это же ничего не значит. Просто мое воображение играет с моим разумом.

Как я скучала по своим мальчикам!

Скучала по военным байкам, подколам, по ухмылкам, по переглядываниям. Они словно могут общаться без слов, понимают друг друга на ментальном уровне.

Такие разные, даже по национальности, они являют собой почти одно целое.

Даже внешне чем-то похожи. Кроме, пожалуй, фигур. Если Захар высокий, поджарый, умеющий передвигаться со скоростью дикой кошки, то Ренат напоминает скорее гризли, удар лапы которого может быть смертелен.

Я завидую им жутко. Их дружбе. Их невероятной силе и свободе. Особенно свободе передвижения.

Завидую тому, что у меня никогда не было...

Глава 2

Вот даже сейчас они главные, а я снова между ними в своеобразном нескончаемом плену. Так было всегда, но вот сейчас...

Успокаиваюсь окончательно. Ерзаю, находясь между ними, ощущая, как жар четырех рук опалает нервные окончания. И в мозгу вспышкой стреляют предательские картинки и образы запретных фантазий.

Ох, нашла, блин, время и место.

Пытаюсь получить свободу в передвижении. Но, кажется, не судьба. Горячие руки обвивают мою талию, жадно сжимают, почти не давая сделать глоток воздуха.

Я поднимаю голову, наблюдая привычное переглядывание. Пугают их взгляды. Особенно сейчас. Чувствуется незримое напряжение, скользящее между нами тремя. Мужчины что-то замышляют, что-то нехорошее. В отношении меня. В один момент они обращают внимание на меня, и я упираюсь руками в две груди.

Мне немного не по себе. Душно. Волнительно. Воздуха все меньше. Muskusный запах ласкает вкусовые рецепторы. Дурманит. Есть стойкое желание остаться в таком положении навсегда, выдать протяжный стон, но я все равно отступаю, а парни как будто приходят в себя. Мы приходим в себя. Что же это все значит? Это все было по-настоящему?

– Ты ничего вроде, даже поправилась, – прочищая горло, говорит Захар и получает подзатыльник от Рената. Морщится, и я понимаю причину удара.

Они прекрасно помнят, в каких обстоятельствах видели мое исхудавшее, грязное и почти обнаженное тело.

Стыдно вспоминать, особенно стыдно от мыслей, что тогда блуждали в моей голове. Это было ненормально. Видимо стресс так повлиял на меня, и мой мозг просто переклинило, мысли понесло не в ту степь. А я ведь даже не спросила о тех женщинах, что остались на нижнем уровне гарема Мухаммеда, Шейха из Арабских Эмиратов. Надеюсь им помогли и отправили по домам, к своим родным.

Мнусь на своём месте, немного смущенная тем, что стою перед ними в обычном домашнем, розовеньком топики с принтом Спанч Боба. Стыдно. И я чувствую, как мои щёки начинает нещадно жалить, делая мое лицо ещё более нелепым в данном случае.

Завещание будут зачитывать через пол часа, а я еще не готова, да и вообще не знала, что они придут так рано меня навестить.

– Наша принцесса выросла, – говорит Ренат после неловкой паузы, обращаясь к своему боевому товарищу. – Мне становится страшно за наши...

Я очень хочу узнать, что он хотел сказать дальше, но наш разговор и разглядывание друг друга прерывает громкий стук в дверь. Ой...

В кабинет входит адвокат отца, держа в руках чёрный чемоданчик.

Пора...

Извиняюсь перед ребятами, спешу в свою комнату, чтобы надеть ненавистное черное платье, которое все же необходимо. С грустью смотрю на розовую пижамку... мой ночной протест мрачности и боли. Возвращаюсь в библиотеку, где все меня уже ждут, чувствуя, будто обстановка давит, так и хочется вырваться отсюда. Высвободиться. Почему эта мысль пришла именно тогда, когда Ренат отодвинулся от Захара и жестом руки указал на место между ними.

Чуть приподнимаю уголок рта. Все-таки с ними, сколько себя помню, всегда было легко и непринужденно. Теперь мы можем стать полноценными друзьями, ведь я выросла и мне не нужны больше няньки. Теперь им не нужно меня оберегать.

Сажусь на стул и думаю, что на месте Панина, нашего адвоката, всегда сидел отец. Вот прямо так же за огромным дубовым столом вишневого цвета в окружении наград и картин с военными историческими баталиями.

Отец, он был... Такой же, как война. Взрывоопасный. Разрушительный, бескомпромиссный, он подавлял и подчинял всех своей энергетикой. Особенно маму. Она не выдержала. Ушла. Меня с собой забрать он не позволил. До сих пор задаюсь вопросом почему. Даже запретил с ней общаться. Я не знаю, как сложилась ее жизнь. Ещё один шрам на моем

сердце.

Странно, но подобные же чувства у меня вызывает Ренат. Пугающие. Он тоже война. С Захаром все же попроще, он больше весельчак. Хотя бывали некоторые моменты в прошлом, что пугали до жути...

– И так. Всех приветствую, – официальным тоном заговорил Панин. – Сегодня мы собрались здесь...

– Ревизор, – шепчет мне на ухо Захар, и я пытаюсь строго на него взглянуть, но от его ухмылки по телу разливается приятное тепло, и я беру его руку в свою. Так мне легче. Так мне хорошо.

Я вздрагиваю от неожиданности, когда огромная, шершавая ладонь Рената приземляется ко мне на колено, а после сжимает до легкой боли. Поворачиваю к нему голову, вижу, что его взгляд направлен на наши сцепленные с Захаром руки.

Мне показалось, или он смотрит с ревностью во взгляде? Конечно, показалось, по-другому и быть не может.

Ну вот и все. Сейчас я узнаю, что будет со мной дальше. Хотя и ежу понятно, что отныне я сама за себя отвечаю, одна одинешенька, без отцовской поддержки.

Но с его деньгами. И с возможностью делать, что вздумается. Это приятно щекочет нервы. Свобода так близко.

– Сейчас я оглашу последнюю волю умершего – Жильцова Анатолия Васильевича, – говорит адвокат, направляя на меня нервный взгляд.

Глава 3

В груди становится тесно. Меня преследует странное предчувствие, что здесь таится какая-то подстава. Не может все пройти идеально, не с отцом.

– И так... – говорит адвокат, кладёт свой чемодан на стол и вводит нужные цифры. Неспешно достаёт документы.

Именно Панин был посвящен во все тайны. Друг семьи и, наверное, единственный человек, который понимал отца.

А я?

А что я... Я девчонка. Когда-то я еще хотела подстроиться под отца. Состригла волосы, стала ходить в военный кружок. Пришла к нему и сказала, что пойду в армию. Буду как он и его солдаты, не хуже.

Дура...

В мои четырнадцать он не понял моих стремлений. Дал мне пощечину и сказал, что бабам место на кухне, а не на поле боя. Я не возненавидела армию, но во мне подсознательно засела установка, что мужики должны служить. Что без стандартного срока в армии мужчина не может состояться.

Может быть поэтому я напрочь отшивала парней, которые гордо заявляли, что их отмазали предки и армия для дебилов. Для меня это крайне дико и ненормально.

Меня пихают в бок, вытягивая из мыслей, как со дна океана, и я, хлопая ресницами, сосредоточиваю внимание на про-

исходящем.

– Вы все слышали? – спросил меня Лев Дмитриевич Панин, и я честно покачала головой.

Он тяжело вздыхает и обреченно смотрит на свой лист бумаги, потом вопросительно на Рената. Ну и я. Только у того челюсть сжата. Зубы почти скрипят. А моя коленка в его руке почти хрустит, так сильно он ее сжимает.

– Вот старый хрен, – удивляет он меня словами, судя по всему об отце, и поворачивается ко мне всем корпусом. Кидает взгляд на свою руку. И убирает, словно ошпарился. – Твой отец хотел уберечь тебя от непродуманных поступков, – выплевывает он слова, начинает явно издали.

Кровь стынет в жилах от его тона. Что это значит?

– Ближе к делу, – прошу я и слышу, как адвокат откашливается, чтобы я следила за языком. Но меня волнуют не приличия, а то, как пристально смотрит на меня Ренат. – Да что происходит? – вскрикиваю, начиная злиться.

– Трындец, – слышу я сбоку и оборачиваюсь к Захару. Злой. Даже непривычно. – Нам придется жить здесь. Пол сраных года! Чтобы получить следующее назначение и звание. Иначе... – ох хватается за свою голову и проводит по своему отбритому по-военному ежику. – Гражданка... – цедит сквозь зубы.

Мой мозг не воспринимает данную информацию, в голове каша... что он сказал?

– Что за бред! Вы будете жить здесь?! – я смотрю на обо-

их, и, кажется, мой мир начинает рушиться в этот момент. — Со мной?! И только потом получите возможность и дальше щеголять по миру? — пытаюсь я осознать происходящее.

Все трое кивают. Уныло. Тяжело.

Нет. Не правда. Просто такого не может быть, мать твою!

— А ты свои деньги... — кто-то из них говорит это.

Я вроде слышу слова, но они как разбросанная по сознанию мозаика, не могу собрать общую картину. Хотя и стараюсь, ползая на коленях. Что-то не то, где подвох?

— Я не понимаю, — выдаю с нервным смешком, продолжая глядеть по очереди на каждого мужчину в этой комнате, ожидая получить вразумительный ответ.

— Екатерина Анатольевна. Для защиты вашего капитала и контроля за вашим поведением молодые люди приставлены к вам... — монотонным голосом начинает объяснять адвокат.

— Няньками, — подбираю я правильное слово, и парни издают неопределенный звук похожий на рычание.

Я нервно вскакиваю, оборачиваюсь, смотрю по углам. Это не по-настоящему. Не может быть правдой! Такое вообще бывает? Мне уже давно стукнуло восемнадцать! Я взрослая девушка, умеющая за себя постоять.

Этот фарс должен закончиться прямо сейчас!

— И где скрытая камера?

Расхаживаю по комнате, пытаюсь найти доказательство того, что это всего лишь глупая шутка. Переворачиваю весь

стол вверх дном, подбегаю к рядом стоящему дивану и раскидываю подушки в сторону. Оглядываю библиотеку, ища, где может быть спрятан сей прибор.

Взяв стул, несу его в сторону висящей огромной картины, но мужчина, а им оказался Ренат, останавливает меня, отбирая несчастный стул, что я не собиралась отдавать без боя.

– Это не шутки, Киска, все вполне серьезно.

– Не называй меня так! – разозлилась я на Рена совершенно необоснованно. Но именно он в компании Захара теперь препятствие к моей свободе!

– Я Катя! Запомни раз и навсегда! А, нет! Для вас – Екатерина Анатольевна! Да что за бред! Мне двадцать лет! Я почти всю жизнь жила одна, а сейчас вы хотите, чтобы два перекаченных тестестероновых солдафона читали мне на ночь сказку? – это я говорю нашему семейному адвокату, что стоит в стороне и с удивлением во взгляде смотрит на меня, словно я сумасшедшее создание. – Может, они меня еще и в постельку должны укладывать, чтобы всякие злые насильники в нее не забрались? – процеживаю ядовито, сжимая до боли кулаки.

Глава 4

Захар хохочет и тоже поднимается, вставая рядом, возвышаясь над моей головой, как гора.

– Расслабь булки, Екатерина, даже если бы мы хотели...

– Заметь, даже, – поддакнул Ренат. А мне в этот момент захотелось дать ему подзатыльник.

– Мы не сможем.

– Че это? – язвительно задаю вопрос. – Бромом вас в армии перекормили?

Ренат напрягает скулы, а на виске пульсирует вена. Он медленно подступает ближе, и я как-то резко сжимаюсь, смотрю на него снизу-вверх. Боже, какой он огромный.

В голову приходит слова «даже если». Даже если они оба захотят, я вряд ли успею даже крикнуть: «помогите, насилуют!».

Одно отточенное движение, и я на полу. Распятая. Второе, и платье разодрано в клочья. Беззащитная. Третье движение, и шлепок по заднице. Еще парочка и с двух сторон толкаются огромные, твёрдые кувалды... Очнись, Катя! О чем ты думаешь?!

Эти два увальня теперь твои враги. Те, кому отец доверял настолько, что решил приставить их ко мне опекунами. Ненавижу! Зачем он так поступил? Насколько мне не доверял...

– Эти полгода мы должны, мало того, что присматривать за пигалицей, которая вообще не знает, что такое слово «спасибо». А еще мы должны держать свои члены подальше от тебя. И знаешь, что...

Ренат подходит вплотную. Глядит колко, с превосходством. Скрадывает и без того густой воздух. Давит темным взглядом всю смелость и язвительность. Недопустимо, Катя! Самец должен знать, что не он тут главный, иначе проходу не даст.

– Я скорее пушу себе в лоб пулю, чем променяю твое тощее тело на службу.

Так. Так. Так.

Я на мгновение замираю. В голове толчками стучит кровь, образуя в мозгу стремительные мысленные цепочки. И результат одной из них я и выдаю.

– То есть, если вы не продержитесь со мной полгода, или... если трахните меня. Я получаю деньги немедленно? – с хитрой улыбкой смотрю я на Захара. На него всегда проще смотреть. Нет удушающего огня в глазах. Легкие брызги, не более. – А вы больше никогда не будете рисковать жизнью в горячих точках?

Парни переглядываются над моей головой, прекрасно понимая, к чему я клоню. Неужели мозги ещё могут работать?

Бросаю взгляд на Панина, и он с бледным лицом смотрит в документы, перечитывает. Хороший знак.

– Очень грубая формулировка, но... верная, – подтвер-

ждает, вытирая выступивший пот со лба.

– Я права, – расплываюсь в довольной улыбке, отталкиваю Рената с дороги и следую к двери. – Это мне подходит. Вы, дорогие няньки, не продержитесь и недели.

Плюс-минус пару дней.

– Мы в армии воспитывали целые отряды первоклассных машин для убийств. Что нам какая-то вертихвостка, – зло проговаривает Ренат.

– У нас выдержка похлеще монахов в пост.

Да неужели, малыш? Просто раньше в ваш монастырь не заглядывала я.

– На войне, как и в любви, все средства хороши, – бросаю я фразу, зная, как им хочется бросить в меня что-то твердое.

Стук сердца бьет по ушам, а в голове прорисовывается план дальнейших действий. Это будет проще простого.

Полгода! Очень смешно, отец.

Забегая в комнату, не закрывая дверь, оставляю ее на распашку.

Снимаю чертово платье, даю волю своей груди и остаюсь в одних трусиках, плюхаюсь на огромную постель звездой.

Смотрю в зеркальный потолок на себя и неосознанно вспоминаю слова Рената о тощем теле.

Вот здесь он ошибся, и мы оба это знаем. Благо природа и частые тренировки сделали своё дело, доведя мою фигуру до идеала. У них нет ни единого шанса против меня. Они уйдут сами, по своему желанию, никак иначе.

Опускаю ресницы, давая волю своим самым грязным фантазиям, провожу рукой по коже, что в момент покрывается жалящими мурашками. Вниз к главному сосредоточению нервных окончаний в женском теле, под резинку трусиков.

Оглаживаю в круговом движении и вздрагиваю от осознания, что я взмокла. Вспоминаю объятия мужчин и крепкие руки, что сжимали и удерживали рядом.

Боже, это кажется таким неправильным и запретным, что возбуждает с ещё большей, дикой силой. Испускаю глубокий стон, не думая, что могут услышать.

Интересно, что бы было, опустив они руки на интимные участки моей кожи... какого бы оно было. Великолепно. Проникаю пальцем неглубоко в дырочку, натирая комок желания.

Открываю глаза, смотрю на себя развратную, с блестящим взором. Щеки горят, губы приоткрыты в немом восхищении. И... остываю почти на пике наслаждения. Не могу, нет.

Встаю с постели, тяжело вздыхая, закрываю ранее открытую дверь, прислоняюсь к прохладной поверхности. Скатаюсь вниз, царапая спину.

Груз произошедшего сваливается на меня, скапливаясь в глазах, и даю волю расплакаться.

С четким пониманием, что моя жизнь отныне никогда не станет прежней. Пугающие перемены дышат прямо в затылок. Но я не сдамся, не поддамся эмоциям и выйду победителем, счастливая.

Ничто и никто не встанет на моем пути.

Глава 5

Планы планами, желания желаниями, а няньки действительно поселились в моем доме.

Эти два бугая оккупировали мой спортзал, мой бассейн, мою, черт возьми, кухню! А их русский рок, пусть я тоже его люблю, разносился звуками электрогитары по всему дому.

Вещи этих мужчин лежали буквально везде, куда не плюнь. В каждой. Сраной. Комнате.

Обычно думают, что девушки, заселившись к парню жить, заполняют всю территорию своими безделушками. Да как бы не так!

Рен с Захаром поимели наглость завезти новую технику и без какого-либо спроса обставили дом всякой не понятной для меня хренью.

Эти два свинтуса не знали, что такое порядок. И все своё свободное время я что и делала, как ходила и складывала все на свои места.

А в гостиной, где висели лишь НАШИ с отцом фотографии, отныне красовались их зажавшиеся рожи.

Это было последней каплей моего ангельского терпения. Во мне проснулось дикое желание убивать.

И я сначала действительно решила быть хорошей. Ну правда. Глупость. Они же друзья. И не должны меня лишать свободы. Потому что мне, между прочим, уже двадцать лет.

А значит вылазка в поход с однокурсниками должна состояться!

– Нет.

– Что значит нет, Ренат! Захар, скажи ему! – ошарашенно стояла я и хлопала ресницами, пока за моей спиной уже ждали четыре рослых парня и две девочки-припевочки.

Нормальные ребята. Но один взгляд на них, и у нянек как отрезало. В чем их проблема?

– Ты остаешься дома. Мы несем за тебя ответственность. И я не собираюсь бегать по лесу и собирать твои останки, – продолжал причитать идиот.

– Да какие останки! Захар, скажи ему! Мы же друзья! Вы мои...

– Можешь считать на эти полгода нас врагами, но ты никуда не едешь, – Захар вытолкнул одноклассников за дверь.

А мне только и оставалось, дрожа от гнева, слышать, как шурша гравием друзья уезжают.

– Вы... вы... – слов просто не было.

Нет их и сейчас. Именно поэтому уже неделю я с ними не разговариваю. Потому что... бесят. Вот вынуждают впервые желать людям гадости, что не вяжется с моим характером.

Да чтобы у них машина поломалась, шины прокололись, или сдулись их накаченные мышцы. Ну или облысение! Разве я прошу так много? Крошку справедливости!

Насчет пожеланий импотенции почему-то мыслей не воз-

никало.

Сраное завещание.

Отец, мать твою, почему же ты со мной так обошёлся? Неужели я давала повод сомневаться во мне? Такой подставы не могла ожидать.

А эти два тупоголовых солдатики запомнят эти дни, проведённые со мной в одном доме, на всю оставшуюся жизнь! Будут вспоминать, вздрагивать и перекрещиваться! Как же бесят, я не могу!

– Ты чего бурчишь там себе под нос? – слышу я женский голос позади себя.

– Алька! – поворачиваюсь на звук и бегу к своей подруге.

Она на днях прилетела из Майями, где отдыхала с очередным кавалером.

Абсолютно порочная, развратная, красивая, но при этом верная подруга. Да и просто зачетная девчонка.

– Я рада, что ты приехала, мне так не хватало поддержки!

– Тебе? – удивленно вскидывает она нарисованные брови, и я усмехаюсь.

В это трудно поверить, учитывая, что именно я выручаю ее из всяких передраг. Очень часто. Иногда миссия кажется невыполнимой.

– Ну учитывая, что я осталась фактически сиротой, – здесь мой голос оседает, – а меня заперли в доме как прокаженную, веселиться не приходится.

Не то что веселиться, отвлечься нет никакой возможно-

сти. И я продолжала реветь каждый вечер от несправедливости и одиночества.

– Мне жаль твоего отца, – обнимает она меня, а потом вдруг шепчет на ухо: – А кто тебя запер в доме?

– Няньки.

– Значит по телефону твоя истерика была настоящей. Отец оставил тебе наследство в виде, – она делает неопределенный знак рукой, показывающий эффект члена за щекой, и тут же давится смехом, – двух тестостероновых нянек?

Шутница хренова.

– Целых две! Ты прикинь! – громко восклицаю на всю свою комнату.

Так громко, что Звёздочка – мой белоснежный шпиц, спрыгивает с постели, фыркает и, виляя хвостиком, покидает неугодные ей персоны.

Вот сучка! Ты погляди, какие мы нежные стали!

– Рассказывай! Все и в мельчайших подробностях, – восклицает девушка, с энтузиазмом хлопая в ладоши.

Знаю я, о каких подробностях она желает узнать. Маленькая, грязная шлюшка.

Глава 6

– Я не видела их члены, – щелкаю языком, закатывая глаза.

Упаси Боже. Этой радости мне ещё не хватало.

– Ну как так? Неужели даже кусочка... – она делает губы буквой «о», – огромного члена.

– Ни одного. Я вообще планирую их убрать из дома раньше, чем увижу хоть кусочек.

Смеюсь с подружки. Так свободно о гениталиях и деньгах может говорить только она. Вообще, у нее тоже отец военный. Но он столько мотается по миру, что до дочери ему нет никакого дела.

Не знаю, что и хуже: моя ситуация, где отец следил за каждым моим передвижением, или ее, где его просто не было все время.

Мы усаживаемся на мягкий ковёр и я, набрав в легкие воздуха, выдаю налегке все как есть.

– Двое его подопечных. Ренат и Захар. Я рассказывала тебе о них. Они теперь должны жить здесь, – кривлюсь я и вижу каким предвкушением горят глаза этой чертовки.

– Оба? Как интересно. У меня никогда не было группового секса, – ее лицо приобретает задумчивый вид, словно она пытается вспомнить что-то подобное.

Неужели? Очень удивительно.

– А у меня и обычного не было. Так вот, – развожу руки в стороны и тяжело вздыхаю, высказывая вслух свои предположения. – Рен будет жрать мою еду, спать на моих кроватях и командовать мной по полной программе! А Захар...

– Стой. Ни слова больше, – вдруг поднимает она руку вверх, прося меня заткнуться, а потом вскакивает и устремляется к моему гардеробу.

Там среди вещей лежит коробка, которую я забросила несколько лет назад. Как раз после ухода мамы. Потому что там и ее снимки, единственные оставшиеся в этом доме. Все остальные отец выбросил в мусорное ведро и, не думая, поджег.

Она копается в фотографиях, но я не хочу на них смотреть. И неожиданно выуживает снимок, победно улыбаясь.

– Если ты говоришь об этих двух красавцах, то я не могу понять твоей паники.

Она показывает мне фото, и я задыхаюсь от острой боли в груди.

Это они после бассейна. И я между ними. Мы улыбаемся, смотря в объектив. Счастливые. Словно выстрел из прошлого. И они уже тогда мне все запрещали. Бесили неимоверно. Как и сейчас. Но зато катали на мотоцикле, бросали в воду, играли в приставку и учили себя защищать. Мне казалось, что мы были одним целым.

Как же давно это было. Потом новая командировка и после этого они больше не появлялись. Я так и не поняла, по-

чему. Наверное, им просто надоело со мной возиться.

Это все я пересказываю Алле, и та смотрит на меня как на дуру, крутя пальцем у виска.

– Серьезно не понимаешь? В твоём доме внезапно пропали все зеркала? У них просто встал на тебя, а ты – дочка наставника. Вот и смылись.

Если бы было все так просто... нет, здесь, возможно, причина совсем в другом.

– Да нет, – отклоняю голову. – Бред какой-то.

Да и совсем девчонкой я была. Это потом начала форму наращивать в спортзале. Когда мне стало совсем скучно без них, и я не знала, чем можно себя занять.

– Ты уже и в семнадцать была ого-го, а судя по тесным плавкам, мужики-то не железные. Неудивительно, что они ходят угрюмые. Целибат, знаешь ли, никого не радует.

– Да им нельзя со мной. В завещании сказано...

Не успеваю досказать мысль, как Алька падает на кровать и заодно хохочет.

– Нет, серьезно?! Твой папаша сказал им тебя не трогать?

Смотрю на неё и мысленно закатываю глаза. Секс – любимая тема для этой девушки.

– Ох, бля! Да ты представляешь, как они бесятся! Это как постоянно чуют носом пирожное, но брать в рот нельзя. Брать в рот...

Она снова заливается смехом, и даже мне на душе становится легче.

Вдруг наш смех прерывает звук ревущего мотора. Мы переглядываемся и тут же бросаемся к окну.

Алька буквально прижимается носом к стеклу и наблюдает.

Огромный внедорожник, кроваво красного цвета, останавливается на стоянке в моем дворе, открываются две дверцы и, собственно, из тачки выходят ОНИ. Эффектно так выходят. Не хватает только эротической музыки для полной картины.

Глава 7

– Ва-ау! Ты ещё жалуешься?! Было бы на что, дура! Да я уже растеклась лужицей, – верещит Алька, тяжело дыша. – Какие они огромные! А ручищи! Ой, ты погляди, какая у тёмненького круглая, крепкая попка! Давай, милый, нагнись пониже...

Да, у Рената действительно отличный орех...

СТОП.

Что? Чего это она? У неё так-то парень есть! И не один. Какая, к херам, попка у моего... няньки!

Встряхиваю девку за плечи, выдергивая ее из транса. О чем это она там думает?! Неприятный укол впивается в мозг. Ведь это на меня у них стояк. Так что нечего заглядываться. Мое! Руки прочь.

– Тебе слюнявчик принести? Так-то это враги, – ревностно бурчу себе под нос. – И мне нужно выкурить их из дома. Немедленно!

А все дело в чем... все дело в том, что в снах уже прочно поселились проклятые фантазии. И в каждой из них меня окружают четыре руки. Только руки. Но даже их хватает, чтобы я проснулась вся потная, часто дышащая, со своей рукой между ног.

Это ненормально. Это неправильно. Запретно. Им срочно нужно меня покинуть, потому что еще немного и лужицей

растекусь я, умоляя делать со мной все, что им вздумается. А такого допускать нельзя.

– Хотела бы я иметь ТАКИХ врагов... чтобы они жестко и долго... – продолжает эта краля.

– Не хочу этого слышать! – бесцеремонно перебиваю ее, не желая выслушивать чужие эротические фантазии.

Особенно, когда они так созвучны с моими!

Ой, что это кольнуло в моей груди? Сердечко пошаливает. И это явно не тахикардия.

Я не говорила? Учусь на врача, так что различить могу.

– И как же ты это сделаешь? – спрашивает немного погодя Алла, смотрит на меня, приподняв одну бровь.

– Надо вынести мозг настолько, чтобы они залезли в свои тачки и кометой вылетели из моего дома.

Только вот как? Довести военного до ручки очень тяжело, выдержка у них и вправду железная. Знаю по отцу.

– Или трахнуть, – предлагает подруга, сжав свои бедра, но тут же хмурится, увидев мою недовольную моську.

Ну это на крайняк. Сначала я опробую другие варианты.

– Давай без подобных методов. Я же не героиня любовного романа, чтобы продавать свою честь за свободу.

– Тогда, – она закусывает полную губу и обводит взглядом территорию около дома, впивается взглядом в бассейн и хлопает в ладоши. Ну крутая же она, скажите? – Вечеринка! Посмотрим, как твои жеребцы смогут проконтролировать пьяную толпу молодежи.

Задумка, конечно, шикарная, но...

– Ну думаю, что они позволят кому-то сюда войти, – задумчиво кусаю палец.

Да и вообще идея дикая. Вечеринка в доме отца. Он бы просто убил меня. Нет. Убить – это слишком мало.

– А мы сделаем так, чтобы они узнали о ней в самом разгаре.

Ммм?

– Не понимаю...

– Ну, Киса, ну включи мозг. Ты же медик!

А причем здесь это... да ну нет, она же не имеет ввиду...

– Усыпить? – вскрикиваю я и тут же зажимаю себе рот рукой. – Ты хоть представляешь, что они со мной сделают!

Накажут. И так, что я пожалею, что вообще родилась на белый свет.

– Ни-че-го, – чеканит она каждый слог и снова бросает взгляд в окно. – Что они смогут сделать с маленькой, беззащитной девушкой?

Эти самцы уже стянули рубашки и копаются в моторе. А я, черт возьми, не могу оторвать взгляд от их прокаченных спин. От капель пота, блестящих на коже.

У одного такого приятного смуглого оттенка, у второго чуть бледнее. А между ног тоже течь.

Не-ет. Пора заканчивать, а то через полгода я превращусь в озабоченную, готовую броситься на любого. Вон, даже на нашего престарелого садовника.

– Ладно. Усыпить, так усыпить. Но, если что...

– О, Киса, я с радостью приму наказание за тебя. Сначала от одного, потом от второго. А лучше от обоих сразу.

Да, конечно! Так я и позволила это сделать!

– Это неправильно... – пытаюсь вразумить подругу, ну и себе напомнить.

– Ну что ты заладила, – цокает она языком. – Зато приятно. Совсем как Кристина стала. Еще в монашки подайся.

Крис, наша общая подруга, со своими замашками о правильности. Вот она бы нам по головам постучала за такие разговорчики.

– Мне и в нормальном мире неплохо, – отнекиваюсь.

– Ну вот иди и готовь волшебные коктейли, – на мой вопросительный взгляд она закатывает глаза.

И я киваю. Точно, снотворное.

– Значит уже сегодня...? – тело дрожит от предвкушения и страха.

Извините за мой французский, но мне будет п*здец. Попа чувствует неладное.

– Ну, а чего тянуть? – говорит она. Завязывает узлом под грудью мою длинную рубашку, чтобы оголить животик и сдёргивает пониже штаны. – Вот так ты сможешь отвлечь внимание.

Да ну нет. Не настолько же они озабоченны... ведь так?

– Главное не привлечь лишнего, – бурчу себе под нос, пока спускаюсь на кухню, чтобы сделать коктейли с секретиком.

Печально вздыхаю, рассматривая идеально чистую кухню. —
Ненавижу вечеринки.

Глава 8

Не, вообще, идея шикарная. Алька превзошла себя, ничего не скажешь! Однако, было два огромных, покрытых мукулами, сексуальных НО.

Подружка-то ушла, виляя своими шикарными булками, а я уже битый час стою под дверью спортзала и не могу решиться войти.

Трусиха! Только пускаю слюни так же обильно, как пот стекает по спинам этих сволочей! Ну, серьезно. Нельзя быть такими идеальными и бесячими одновременно. Это вне закона!

Я уже знаю, что по головке меня за такую подставу не погладят, скорее надают по заднице. Но, собственно, кто не рискует, тот не пьёт шампанское! Главное, чтобы потом это шампанское не вставили мне куда-нибудь...

Так, спокойно! Катя. Тебя, в конце концов, назвали в честь ракетной установки! А значит, ты должна быть смелой и решительной! Не меньше!

А они должны были сами отказаться от этой глупой затеи жить в твоём доме. Ты же просто защищаешь свою территорию, ничего большего.

Пытаюсь найти себе оправдания и настроиться на сие действие. Скорее всего, именно это я и буду лепетать, получая от них беспощадное наказание. Но это будет потом.

Какое – мне, увы, неизвестно. Но само то, что они взбесятся, не покидает моих мыслей. Да и вообще, эта вся затея адреналином растекается по венам. Будоражит.

Жарко. Руки подрагивают, стаканы на подносе трясутся. Но сдаваться нельзя. Только вперед!

Делаю глубокий шумный выдох, выпрямляю спину, смотрю на почти вываленный из рубашки второй размер груди и делаю решающий шаг.

Надеваю на себя фальшивую, самую милую, на какую способна, улыбку и ногой толкаю дверь.

Все, мне п*зда. Ну, в смысле я захожу.

Мамочки!

Ну обязательно заниматься без верхней одежды?! Здесь вроде не так уж и душно. Разногишались!

Мать божья, как сказала бы Кристина!

Им надо срочно запретить выходить на улицу. Нельзя быть такими сексуальными.

Ренат делает приседания со штангой, и Аля была права... У него действительно шикарная задница. Орешком. Так и хочется проверить, какая она твёрдая на ощупь. Ммм...

Мысленно быю себя по рукам. Уже покалывающим от желания рукам.

Захар качает без того огромную бицуху. Стоит спиной ко мне, и я впервые вижу его татуировку. Огромный Лев, красивый, как и он сам. До этого я видела только верхушку тату, ту, что находится на шее. Животное в огне, но ему

не больно, это его стихия. Необычное сочетание. Как и сам мужчина. Противоречивый.

Закусываю губу и сжимаю бедра. Ну хватит, я скоро стану тряпочкой у них в ногах. Засранцы!

Я жадно, словно путник после пустыни, который пьет воду, наблюдаю, как напрягаются мышцы его сильных рук. Вдвухаются от напряжения вены. И млею. Теку, не иначе.

Но отдельное внимание можно уделить мясистому прессу мужчины. Не сухому, как у всех молоденьких парней, с которыми я знакома.

Кубики с большей массой и более глубокой прорисовкой, его тоже хочется пощупать. Провести по каждому, а лучше прочертить мокрую дорожку языком.

Меня просто несет, в глазах уже темнеет, еще немного и колени подогнутся.

– Какие-то проблемы, Киска? – слегка дергаюсь, когда слышу голос Рената рядом с собой.

Наблюдая за Захаром, я и не заметила, что другой нянька оказался слишком близко.

Оу. Его грудь полностью забита темной краской. Иероглифы, черепа, змеи, все свободные участки кожи. И это захватывающее дух зрелище.

Насколько мне известно, у него татарские гены. Темноглазый, черноволосый, в общем, жгучий самец. Бабы, наверное, толпами за ним бегают.

Кажется, и я готова уже рвануть, стягивая на ходу, став-

ший тесным, бюстгальтер. Да, я бы так и сделала. Однако, его характер... не самый легкий, это мягко говоря.

Поднимаю взгляд и падаю в обжигающую страсть бездну его взгляда. Глаза карие, сейчас кажутся чернее ночи. В них нет просвета, только тьма.

И меня ведет. Качает от возбуждения. Хочется еще немного и растечься у него на груди, подставить губы для поцелуя. Он кажется таким сильным, что удержаться невозможно.

– Я принесла вам холодный фреш, вот, – пытаюсь прийти в себя, вспомнить о миссии.

Ренат с трудом переводит взгляд с моих губ, опуская его ниже. Упирается в грудь и только после моего наигранного кашля, моргнув несколько раз, смотрит на поднос.

На нем свежесжатые соки с одним маленьким ингредиентом. Но об этом им говорить не следует, ведь правда?

– С чего бы это? – Захар бросает заниматься и с хитрой улыбочкой подходит ко мне сзади.

Заглядывает через спину и замирает, потому что на пути его взгляда тоже оказывается выпяченная грудь.

– Какая неожиданная щедрость и... богатство... – и он так же зависает на месте, стоя высоко надо мной.

С Захаром, кстати, намного легче. Он – душа компании, веселый, сговорчивый. Душка. Хотя есть у него тоже один маленький недостаток...

Он вспыльчивый. В один момент мужчина с тобой шутит,

а в другой все, что было у него под рукой, летит нахрен в стену. И ты не понимаешь, в чем, собственно, причина и что именно вывело его из строя. За секунду перед вами может возникнуть не обояшка, а озлобленный, неконтролируемый, просто вселяющий страх зверь, а не мужик.

Оба слишком опасны.

Как же между ними горячо, как в духовке. Еще немного и я почувствую себя жаренной индюшкой, нашпигованной двумя.... Спокойно.

Ну окружили, ну жмутся, ну упирается в твою задницу стояк... о Боже... Захара. Нехилый, я вам скажу стояк. По телу проходит дрожь. Мне же не может казаться? Нет. Все по-настоящему.

– Так что ты говорила, – приходит в себя Ренат, отдергивая руку от моей груди.

Ох! И когда только успел, подлец. Кажется, мы втроём нахлебались в странном трансе. Остановите это кто-нибудь!

– Сок, – шепчу еле слышно, давась ощущением нирваны, которое меня преследует между ними. И вот уже по моей груди и спине стекают капли пота.

Ещё пару минут здесь и от меня ничего не останется. Бежать, Катя! Одумайся, пока ещё не поздно. Выползаю между ними, чуть как бы случайно задевая каждого. На свободу.

– Сок? Сок – это прекрасно, – выдает Ренат хрипло, залпом жадно выпивает стакан, не прекращая зрительного контакта.

Захар, недолго думая, следует его примеру.

Ох, это было опасно и волнительно. Два идиота. Говорю им ещё пару фраз, и довольная выхожу из зала. Легкое возбуждение продолжает преследовать меня, не давая опомниться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.